

Стихи Ирины Вакуленко:

...

Синтия Стоун приходит на берег моря.
В воду садится, юбок не подобрал.
— Отче, ещё десять жизней Тебе споровою,
Только верни мне мужа. Ты был неправ.
— Синтия, мне непонятны твои упрёки.
Я ли, ответь, на землю войну привёл?
Женщина мокрой рукой вытирает щёки.
Серые волны колыхают её подол.
— Отче, с Тобой мы детишек моих растили,
Имя Твоё они научились чтить.
Это не я на землю войну впустила.
Кроме Тебя — кого мне ещё просить?
— Всё это так. Но знай, что пропавших списки
Вьются и вьются, мне больно от их длины.
Слово даю, что будет однажды сыскан
Муж твой, дитя. Скажи: терпелива ты?
Камень бывает — морская вода бессильна.
Пусть раз за разом, годами наотмашь бьёт.
Душу солдата (записан как Стоун Вильям)
Ищет Господь. А Синтия молча ждёт.

...

Серое-шарое, низкое, тихое, плоское.
За стекловатой повисшей, за стуком щеколд -
Там, куда не доберутся чужие и взрослые,
Тёплый сквозняк вдруг почувствуешь правой щекой.
Гнев убаюканный, страх - словно палец потерянный,
Крышка чугунная всосана илистым дном.
Ты и не знаешь, случайно поймав дуновение,
Что для тебя в ураган превратится оно.

...

Притворяться уснувшей отарой легко облакам,
Или теплою шапкой чабанской, белей молока,
Что ещё большевата, сползает (подарок отца),
Норовя Ибордагу закрыть половину лица.
И не тесно внизу колоссальным прохладным теням —
Словно чьи-то подолы бесшумно скользят по камням,
По дороге - а там остывает разлитый мазут,
Теплоухие ослики мелкую свёклу везут.
Быть собою легко, с опостылевшей тяжестью врозь,
Коль тугой синевою внезапно прохватит насквозь,
Осенит и наполнит: всегда было можно, прими —
Овцам в небе пастись, а ветрам становиться людьми.

...

До черты ещё, где ветер в лицо рычит

И любую речь шутя превращает в ком,
Оживаешь, словно лампа в глухой ночи,
На краю накала - выдох - за ним потом
Яркий мёд, и пляшут огненные клесты.
И стоишь ты, мимо разума понимая:
Из живого света/угольной темноты
Не стрела сейчас в тебя прилетела - свая.

...

Ржавый и бессменный семафор,
Запахи ванили, тёплой сдобы.
Тот же покалеченный забор,
Те же ноздреватые сугробы.
Не поймёшь, закуривает плач
На углу - Медея или Федра.
Куцый, искривлённый карагач
Издали похож на сколопендру.
Было дело, резала круги
По дворам, запинывая жалость.
А теперь на глупости таки
Времени и сердца не осталось.

...

Ничего ещё не кончено, ничего.
Потянулся шорох, в облачности разрыв.
Позвоночник стал бикфордовой бечевой,
У безумия рядом лыба за пятерых.
Поворот. Лицу на выдохе горячо -
Так немислим свет, что скоро ресницам тлеть.
Посмотри же, ну, давай, улыбнись ещё.
Мы сейчас посмеём с этим со всем взлететь.

...

Крыша моя, улетай. Лампов сентябрьский вечер.
Где-то пожарили печень - запах прихватишь в Китай.
Надо же. Думала я, что задохнусь под тобою.
Гвозди ржавели от крови. Плечи уже не болят.
Сделай последний кружок над опустевшей площадкой -
Здесь приходилось несладко, ветхий скрипучий дружок.
Света фонарного мёд выплеснут злые гобои.
Брякнись, пожалуйста, в Гоби - тёплым песком занесёт.
Третий, четвёртый этаж, темень сквознячная выше.
Бедная, глупая крыша, выдуманный персонаж.

...

Что-то мысли к вечеру ни одной.
Темнота сараи берёт в объятья,
Дым клубится над заводской трубой -
Все оттенки нежного, хоть на платье.
Через час нагретые кирпичи

Синева дыханием приморозит,
И на верхнем станет неразличим
Золотой игрушечный паровозик.
Это странно: пальцы, стекло, проём,
Свет зубцами наискось через бутсы.
Столько было разного (отчеркнём),
И всего от слова-то пошатнуться.

...

Неожиданно? Саечку. А багажа-то и нет.
Только спичка, с которой во рту появилась на свет,
Вот она. Если надо - бери, остальное всё ложь.
О подошву не чиркай, штанину себе подожжёшь.
Белизна под уклон погружается в сизую муть.
От безветрия можно, подпрыгнув, руками взмахнуть.
Я не помню дословно, как там про кимвалы и медь?
Всё равно изгорает лишь то, чему должно сгореть.

...

Всё пытаешься выразить пустоту,
Когда на скорость не жахаешь по мишеням.
У неё в глазах по вышитому кресту,
Она то негодный дом, то ботва женьшеня,
То газета жёлтая под трубой
Тепломагистрали окраинной, где собаки,
То забор глухой, бетонный, такой родной,
То чужих надежд всё вымотавший сиртаки.
Улыбаешься, берёшь её за грудки,
Жадно вглядываясь, рвёшь из неё куски,
Плотно в щель её загоняешь как будто нож -
Рукоятку к лесу, воздух глотаешь затхлый,
Нажимаешь: падла, нравится солнцеклёш?
А она кончается так внезапно.

...

Фрамуга стукнула, и ветер
В пустую комнату вошёл,
И в полосатой занавеске
Напрасно ищет рукава.
На улице соседский Петя
Овчарку дразнит беляшом -
Забавно то, что выше детской
Большая пёсья голова.
Шагнёшь - как задрожит в бадейке
Свет раскалённый добела,
Ты дверь от солнечного зайца
Толкни под пение пружин,
Чтоб офицерскую линейку
Достать из ящика стола.

Ну, поверти её на пальце,
К лицу бездумно приложи.

...

Очень много воды: спозаранку дождень моросит,
Плеер сел под конец "Лока-лока",
На подъёме, и слышно - в прокуренных бронхах свистит,
Если делаешь выдох глубокий.
Лес наполнился шорохом. Тучи густые над ним.
Остановки приземистый короб,
А внутри полскамейки, лузга и пускающий дым
Человек в отутюженной форме.
Но понятно, что года четыре как снятый маршрут,
Роспуск части - не важно, бывает,
В летних сумерках, что безмятежно и ровно текут,
С огоньком зажигалки играют.

...

Мороз такой, что воздух загустел,
Зима сильна затягивать болты.
Гляди скорее, дятел прилетел.
Из тишины, из тонкой скорлупы,
Ещё немного - вылупится стук,
И я возьму, и ты бери себе
То, как исчезнет круглый этот звук
В январской раскалённой синеве.

...

Домик с трубой, на крыше тётка сидит в снегу,
Слушает крики: ниже празднуют Новый год.
Самая красная рыба-дура назло врагу
Лезет башкой под локоть, вьётся вокруг, поёт.
- Можешь ты объяснить мне (бах, содрогнулся дом)
Хоть бы (затяжка)... Стой ты, глупая голова!
Я же тебя кромсала, била тебя багром.
Что ты ко мне прилипла и почему жива?
(Злобный плевок) Наглеешь. Толстая, как матрас.
Жгутся огни цветные и ледяная взвесь.
Сердится рыба. Внезапно разинув зубатую пасть,
Разом глотает мир новогодний. Весь.

...

В пелене, отступающей перед днём,
В темноте, что была короткой,
В ногу, не договариваясь, пойдём.
Оттолкнёмся, разгоним лодку
Легче пуха, тяжёлую, как засов.
Непрерывно, как выдох длинный,
Под уклон мимо каменных берегов
Полетим по ремню стремнины.

За пределы храбрости и боязни.
В буруны и рваноголосье.
На порогах рушась почти отвесно
В симультанном замахе вёсел.
Понарошку луч первый. Ему в ответ
Ярче станет песчаник рыхлый.
После этого в реку ударит свет,
И вода нестерпимо вспыхнет.

...

Лето в окне, на столе разгром, у тебя бодун.
Где ни ходи, чем ни займись - руки-то не отмыть.
Взводит курок, прижимая дуло тебе ко лбу,
Мимо слонявшийся и вконец озверевший друг.
Спрашивает, неотрывно глядя - ты хочешь жить?
Первая правда идёт совсем без заминки - да.
- А заслуживаешь почему? Что, "врага убей?"
- Потому что - и пусть разлетается голова
- Потому что - глаза не отводишь ты - я сильней.

...

Провода и ветви, сквер оледенелый,
Синие тропинки, золотые стрелы.
Холодна скамейка до зубовной пляски,
В телефон глазеет девочка с коляской.
Оберег на время ей от всякой шняги -
Матерщина, трели, комната в общежитии,
Ежедневник пухлый, у соседей пьянка.
Смерть живёт на кухне за пакетом с манкой.

...

Чем-то нежным в форточку подуло,
Однотонным, матово-холодным,
Как половником из нержавейки,
Чем-то неожиданным совсем уж:
Васильком с детсадовской кастрюли,
Голым и безлюдным вестибюлем,
Неизменным зеркальцем бездонным.
Ровно, тихо, не ослабевая,
Удивляя, дует, удивляя.
Превращусь в одно большое ухо.

...

Взгляни наверх, и полетишь наверх
С балконом вместе, в синем полотенце,
В метели, растворившей судоверфь,
С дробинами, растаявшими в сердце,
С узором, съевшим коврик шерстяной -
Неправильно составили паскуду -
Окутаться подвижной тишиной,

И к жрушкртбц матери отсюда.

...

- Здравствуйте, дети. Как ваше ничего?
Что приумолкли, что вдруг садитесь прямо?
Кузеньку тут не видели моего?

Я его мама.

Верно, ему исполняется сорок лет,
Взрослый совсем. К тому же директор школы.
Я проведу внеплановый педсовет.
Вечер был томным? Станет сейчас весёлым.

...

Какой внезапный, искренний вокал
В густой ночи разросся над пионами.
Давно он всё тебе нарисовал,
И наколол, и сверху написал,
И лодку с парусами, ветром полными.
Осточертевший тополёк худой,
Асфальт, от пуха тёплого седой,
И музыка, и то, чем пальцы ранишь -
Всё ветер. Паруса же ты собой
По невнимательности до сих пор считаешь.
Ещё облезешь, обрастёшь неровно,
Себя увидев. А куплет про мать?
Я пошутила, певунец дворовый.
Всем на работу, нечего орать.

Ночью

Вот небитого битый на санках везёт
По фарватеру ночи -
Хруп да хруп. А небитый свирель достаёт,
Молча ехать не хочет.
Вынет сердце мелодия, станет кружить,
Пересчитывать вёрсты,
Встрепенётся в далёкой постели мужик -
О, на локоть опёрся:
Промелькнули, пропали пустырь и камча,
Револьверное дуло.
Закурить бы ему, но жена у плеча
Полчаса как уснула.

Бессонница

Тихо греет половицы войлок лунного луча.
Тихо спит за белой дверью шестилетний тёплый внук.
Кровеносная система - силуэт карагача -
Проросла в окно к постели и его коснулась рук.
Приходи босым и старым в омут зеркала глядеть.
У воды в стакане ночью посторонний пресный вкус.
Ох уж мне мои привычки, вечно нечего надеть.

С высоты похожа трасса на живую нитку бус.

Герой нашего в

Ночью зверями становятся низкие облака,
Нюхают осторожно курящего лесника.
Трогают лапами колкость еловых лап,
В чашу сбежав от света безумных ламп:
Пьяную вахту везёт, как предметы мебели,
Кислый железный поезд с лицом фельдфебеля.
В лягге качается тамбур, холодный, чёрный.
Едет в другую книгу седой Печорин
С мерзкою справкой, без ванны и без вайфая,
Тьмы шерстяную нить на кулак мотая.

Предосеннее

Совсем лягушки замолчали,
Подсохло мелкое болото,
И стало слышно, как ночами
Листва готовится к отлёту.
Всего отчётливее шёпот,
И протестующий и гневный,
Там, где похолодевший локоть
Фонарь заносит над пельменной,
Где ветер с шорохом и хрустом,
Руками, пахнувшими глиной,
Перебирает звёздный мусор
В остывшей гуще тополиной.